ЗУЕНКО Иван Юрьевич

младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов дальнего востока ДВО РАН (г. Владивосток)

Электронная почта: ivanzuwei@gmail.com

Пандемия коронавируса и российско-китайское региональное сотрудничество

УДК 327+339.9

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-2/15-28

Статья посвящена анализу эффектов, которые по состоянию на начало мая 2020 г. оказала пандемия коронавируса COVID-19 на российско-китайское приграничье. Негативные эффекты пандемии оказались в целом ниже, чем это можно было ожидать, учитывая географическую близость и протяжённость границы. В то же время приостановление трансграничных контактов заметно затормозило развитие ряда интеграционных процессов: в частности, отброшен назад переговорный процесс по либерализации визового режима; сократились российская община в Китае и китайская община в России; нанесён удар по туристической отрасли.

*Китай,
Северо-Восточный
Китай,
Дальний Восток,
коронавирус,
интеграция,
ксенофобия*

Пандемия коронавируса COVID-19, о которой мир узнал в последний день 2019 года, безусловно, станет (и уже стала!) одним из важнейших факторов, определяющих ход мировой истории в третьей декаде XXI века. Все будущие последствия пандемии, равно как и то, когда и чем она закончится, на момент написания статьи (май 2020 года) неясны в силу высокой динамичности ситуации и недоступности исчерпывающих данных. Означает ли это, что исследователи должны отложить анализ эффектов пандемии на социально-экономические процессы в долгий ящик, ожидая времени, когда более полные данные будут известны? Думается, что нет. Во-первых, текущая промежуточная ситуация интересна сама по себе, и ряд важных выводов о том, как меняется мир и наше общество, назрели уже к этому моменту. Во-вторых, признавая, что ситуация с распространением коронавируса к тому времени, когда статья дойдёт до читателя, может измениться до неузнаваемости, что сделает многие её выводы неактуальными, автор считает, что промежуточные оценки всё равно будут представлять немалый интерес для будущих исследователей, которые, несомненно, будут пытаться реконструировать и анализировать с разных точек зрения те сложные процессы, свидетелями которых мы стали в 2020 году.

Поэтому автор, являясь специалистом по российско-китайскому региональному сотрудничеству, считает своим долгом дать взгляд на пандемию коронавируса с позиций трансграничных процессов. Наблюдение за ними в январе-апреле 2020 года даёт немало интересного материала, который будет разобран в данной статье. Её первый параграф посвящён ответу на вопрос, почему же, несмотря на протяжённую общую

Для цитирования:
Зуенко И. Ю. Пандемия коронавируса и российско-китайское региональное сотрудничество // Известия Восточного института. 2020. № 2. С. 15–28. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-2/15-28

¹ Подробная релевантная, регулярно обновляемая статистика по динамике распространения коронавируса в КНР доступна в китайской версии «Википедии» по адресу: https://zh.wikipedia.org/wiki/2019_冠状病毒病黑龙江省疫情

границу и позитивную риторику сотрудничества, коронавирус, по всей видимости, пришёл на российский Дальний Восток не из Китая, а... из Европы. Второй параграф разбирает эффекты пандемии на экономику и социальное положение по обе стороны границы. Наконец, третий параграф анализирует положение в трансграничье в контексте глобальных процессов, обострившихся ввиду пандемии коронавируса. Общие промежуточные выводы по текущей ситуации даны в конце статьи.

Российско-китайское региональное сотрудничество – сотрудничество двух периферий

Один из главных выводов, который можно сделать, исходя из наблюдений за распространением пандемии коронавируса, это то, что она подтвердила выводы Иммануила Валлерстайна относительно существования в условиях капиталистической глобализации «мирового ядра» и «мировой периферии» [1]. Пандемия показала, что приграничные районы российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая и сами по себе относятся к «мировой периферии», и контакты между ними тоже «периферийны» – отличаются низкой интенсивностью, низкой динамичностью и низкой взаимозависимостью.

Коронавирус, зародившись в Ухане в ноябре-декабре 2019 года – городе на стыке магистральных транспортных артерий Китая, – распространялся, прежде всего, по тем маршрутам, по которым шли интенсивные экономические и гуманитарные контакты. Так, специалисты подсчитали, что за декабрь 2019 года порядка 900 человек из Уханя выехало в Нью-Йорк, 2200 – в австралийский Сидней. Больше всего – 15 тысяч – в Бангкок, где и появился в середине января первый за пределами Китая случай заболевания [17]. Носителями вируса стали туристы и трудовые мигранты глобальной экономики. Если по центральным, восточным и южным провинциям Китая, несмотря на жёсткие карантинные меры, вирус распространился достаточно быстро, то периферийные районы Китая, гораздо меньше связанные с «ядром» экономически и гуманитарно, оказались в стороне от мейнстримных путей заражения. Это районы, в которых проживают национальные меньшинства: Тибет, Синьцзян и Нинся, а также расположенная в предгорьях Тибета провинция Цинхай. В Тибете по-прежнему зарегистрирован только один случай заболевания за всё время. Менее ста случаев насчитывается в остальных вышеуказанных районах. Показательно, что лишь 107 случаев за всё время зарегистрировано в северо-восточной провинции Цзилинь. В Цзилине и Хэйлунцзяне первые случаи заболевания пришлись только на вторую половину января (20–21 января), то есть даже позже, чем вирус шагнул за пределы Китая. Примечательно и то, что если в центральных городах провинций (Харбин и Чанчунь) вирус заразил десятки человек, то до границы он практически не дошёл: лишь 2 февраля был отмечен единственный случай в приграничном городе Хэйхэ (граница с Россией к тому моменту была закрыта), а в приграничном Хуньчуне официально случаев заболевания нет до сих пор (май 2020 года)¹.

Дальний Восток имеет более 4000 километров общей границы с КНР и, по идее, он должен был первым пасть жертвой коронавируса. Однако этого не произошло, хотя сухопутная граница с Китаем была закрыта лишь в конце января, то есть через месяц после официаль-

ного признания китайскими властями эпидемии в Ухане. В данном случае низкая интенсивность трансграничных контактов спасла российское приграничье от эпидемии. Туристический поток зимой падает, а те туристические поездки, которые есть, в основном связывают ближайшие приграничные города, до которых вирус не добрался, и являются «туристическими» лишь формально – на самом деле под прикрытием туристического обмена ведётся челночная торговля, перевозка небольших коммерческих партий под видом товаров для личного потребления. Трансграничные деловые контакты минимальны. Как правило, они сводятся к сезонной миграции, привязанной к праздникам: перед Новым годом проживающие в Китае россияне уезжают в Россию, а перед Праздником Весны проживающие в России китайцы возвращаются в Китай. Аналогичным образом выглядит студенческий обмен. Китайские студенты, обучающиеся в России, до начала январских каникул находились всё время в России, а те, кто уехал в январе на празднование Нового года по лунному календарю, не смогли вернуться из-за начавшихся ограничений, поэтому они не стали переносчиками заболевания за границу.

Закрытие границы и негативные эффекты для экономики приграничных регионов

Сухопутная граница с КНР была закрыта своевременно, до появления большого числа заражённых в приграничных китайских районах. Этому «помогла» всё та же, упомянутая выше, неразвитость трансграничной инфраструктуры и контактов. На время празднования государственных праздников большинство погранпереходов закрывается – нонсенс для развитой трансграничной экономики, но в данном случае позитивный фактор. Так, ещё 24 января, то есть до появления больных в Муданьцзяне и Чанчуне, большинство пунктов пропуска на российско-китайской границе закрылись в связи с празднованием Нового года по лунному календарю. Три дня спустя Китай ввёл запрет на отправку за рубеж организованных туристических групп, а 28 января аналогичное решение приняла Россия. 30 января Россия в одностороннем порядке приняла решение о закрытии сухопутной границы с КНР, фактически заблокировав приток китайцев на Дальний Восток.

После непродолжительного периода прекращения грузовых перевозок (во Владивостоке помнят его по «овощному кризису» в начале февраля, когда цены на огурцы и помидоры, традиционно ввозимые зимой из КНР, поднялись в несколько раз) поставки возобновились, однако межрегиональное пассажирское сообщение было прекращено, за исключением перевозок небольших партий россиян, выезжавших в индивидуальном порядке по согласованию с дипломатами и региональными властями.

К сожалению, аналогичные меры не были своевременно предприняты на европейской границе России. 2 марта был зарегистрирован первый случай заболевания у россиянина, прибывшего из Италии, и только 18 марта произошло закрытие границ и авиасообщения. Подобная медлительность, обусловливаемая, как думается, исключительно «европоцентричностью» российского общественного сознания, стала причиной лавинообразного распространения болезни

в России (по состоянию на момент написания статьи количество случаев заражения в России превысило аналогичную цифру для Китая!).

Стремительное распространение коронавируса в России напугало на этот раз китайцев, проживавших в России, и в конце марта – начале апреля они начали массово возвращаться на родину: в особом порядке, специальными транзитными рейсами через Москву, Владивосток и далее автобусом через Пограничный и Суйфэньхэ. Это вызвало резкий рост показателей инфицирования на этот раз в китайском приграничье. Парадоксально, но похоже, что сюда вирус попал сложным путём: сначала из Уханя в Европу, потом из Европы в Россию (причём её европейскую часть), потом из России вместе с возвращающимися домой мигрантами в Китай. По состоянию на 1 мая 2020 года провинция Хэйлунцзян занимала первое место в стране по числу текущих случаев коронавируса – и доминирующая часть этих случаев была «ввезена» из России.

Примечательно, что аналогично ситуация складывалась, скажем, в Центральной Азии, «периферийность» китайских контактов с которой также была подчёркнута пандемией коронавируса. Так, первый случай заболевания в Казахстане пришёл из Германии, в Узбекистане – из Франции, в Киргизии – из Саудовской Аравии.

Приток заболевания из России вынудил на этот раз китайские власти в одностороннем порядке закрыть границу. Перспективы возобновления регулярных поездок неясны, так как эпидемия в России по состоянию на 1 мая далека от своего завершения, а Китай, как это видно из его действий, склонен проявлять крайнюю осторожность в борьбе с коронавирусом и нормализует трансграничное сообщение только в случае 100%-ной уверенности в его безопасности.

Впрочем, негативные эффекты от закрытия границы с Россией для Китая действительно минимальны. Китайские приграничные торговые центры (Маньчжоули, Хэйхэ, Фуюань, Суйфэньхэ, Дуннин, Хунчунь) постепенно избавлялись от зависимости от российских туристов и покупателей начиная с 2014 года, когда резко упал курс рубля, и китайские товары и услуги стали попросту неприемлемо дорогими для россиян. Все эти годы держать городскую экономику на плаву помогали трансферты из Пекина и провинциальных бюджетов, тогда как российские инвестиции и рабочая сила здесь де-факто отсутствовали. Очевидно, что политика государственного субсидирования продолжится и впредь, так что от закрытия границы пострадают лишь отдельные категории населения, занятые в закупках и последующей перепродаже российских продуктов, организации трудовой миграции из китайских приграничных деревень в Россию, а также приёме российских туристов. Бизнес данных категорий и так последние пять лет находился в кризисе, так что нынешняя ситуация возможно окончательно его добьёт. Однако к значимым социальным волнениям потеря этими категориями населения дохода не приведёт. Так что, как представляется, в целом китайское приграничье переживёт закрытие границ без особых проблем – в особенности если мы говорим о Харбине, Чанчуне, Дацине, Цицикаре и других крупных городах Северо-Восточного Китая, включённость которых в российско-китайское сотрудничество была минимальной.

Последствия для экономики Дальнего Востока будут больше, но и их критичными назвать нельзя. Безусловно, пострадают города,

являющиеся центрами международного сотрудничества и приёма китайских туристов (Владивосток и Благовещенск²). При этом большая часть региона мало зависела от экономического сотрудничества с Китаем, и закрытие границы не вызовет здесь значимых эффектов. Однако они пострадают от общей экономической рецессии в России и сокращения субсидирования. В перспективе вызовет ещё больший отток населения с Дальнего Востока в европейскую часть России и «геттоизацию» отдельных городов [7], которые ранее существовали за счёт закрывшихся заводов или шахт, а в последние годы жизнь здесь теплилась лишь за счёт субсидий из федерального центра. Наивно ждать, что сближение России и Китая, к которому очевидно приведёт пандемия (об этом ниже), скажется на жизни этих городов. Так, позитивная статистика внешней торговли, которая за 1 квартал 2020 года показала даже рост (объём вырос на 3,4% и достиг цифры 25 млрд долларов) [2], объясняется ростом продажи сырой нефти и напрямую не влияет на экономическую ситуацию в российско-китайском приграничье.

В масштабах региона больше всего пострадают компании, зависящие от привлечения китайской рабочей силы и не имеющие возможность заменить её местными жителями или трудовыми мигрантами из стран ЕАЭС. Среди всех регионов Дальнего Востока наиболее критическая ситуация с зависимостью от китайского капитала и трудовых ресурсов сложилась в сельском хозяйстве Еврейской автономной области. Здесь, с учётом распространения практики неформальной субаренды, китайский бизнес обрабатывает до 80% посевных земель [6]. Однако Еврейская автономная область самая маленькая в ДФО, и в среднем по округу ситуация не выглядит такой тревожной.

Так, в Амурской области, где уже несколько лет до нуля сокращены квоты на привлечение иностранцев в сельское хозяйство, китайцы присутствуют лишь как скупщики российской сельхозпродукции. Такая же ситуация с 2020 года будет наблюдаться и в Приморском крае, причём решение обнулить квоты на привлечение иностранных рабочих в сельское и лесное хозяйство было принято ещё до введения запретов, связанных с эпидемией коронавируса [11].

Вероятно, в ближайшей перспективе отсутствие притока китайской рабочей силы приведет к разорению небольших компаний в деревнях с нехваткой местных трудовых ресурсов, а также хозяйств, производящих тепличные овощи, так как этой трудоёмкой работой традиционно занимались именно китайцы. В остальном же отказ от китайских сельхозработчиков вряд ли станет фатальным для региона. После падения рубля в 2014 году поток китайцев, желающих выехать в Россию на работу, и сам по себе упал до минимума [3]. Скорее всего, 2020 год станет вехой, которая подведёт финишную черту под более чем 30-летней историей активного участия китайской рабочей силы в развитии экономики Дальнего Востока [20]. Впрочем, этот процесс следует считать естественным, и коронавирус всего лишь приблизил его развязку, а не стал его причиной.

Что касается других сфер, то в лесозаготовке капитал и рабочая сила из КНР и до коронавируса, как правило, и так не допускались. А вот строительные фирмы из Китая, присутствующие в крупных городах Дальнего Востока, скорее всего, уйдут с рынка. Во-первых, им придётся тяжело без китайских строителей. Во-вторых, новые пра-

² Причём для Владивостока более критичной является потеря южнокорейского туристического потока, на который была ориентирована значительная часть местной гостиничной и ресторанной инфраструктуры.

вила долевого строительства требуют держать деньги на депозите в российских банках и соблюдать строгие юридические и финансовые процедуры. К этому китайские строительные компании, как показывает практика, не готовы. Однако для региона в целом это не будет тяжёлой потерей, так как китайские строительные компании оперировали лишь считанными процентами рынка [5, с. 108–110].

Закрытие границ повлияет также на динамику инвестиционного сотрудничества. Например, новых китайских резидентов не досчитаются режимы Свободного порта Владивосток и территорий опережающего развития, однако необходимо понимать, что подавляющее большинство инвестиций в них происходит из европейской части России и оффшоров, на КНР же приходится лишь 2 и 4% от общего числа резидентов соответственно [5, с. 108–110]. Поэтому говорить, что проблемы будут критическими, нельзя.

Зато важно то обстоятельство, что пандемия нанесла удар по России на фоне снижения спроса на нефть и снижения цен на энергоресурсы, что чревато уходом экономики России в минус с непредсказуемыми (на данный момент) последствиями.

Российско-китайское трансграничье в контексте глобальных процессов, обострившихся в связи с пандемией коронавируса

Коронавирус обострил ряд проблем, которые в прежнее время не были заметны за позитивной повесткой международного сотрудничества. Как представляется, главный удар коронавируса пришёлся на глобализацию и мировое лидерство США (т. н. *Rax Americana* [16]). Спутниками вируса стали рост ксенофобии и кризис интеграционных процессов. Наконец, пандемия, вероятно, изменит центр-периферийные отношения по обе стороны российско-китайской границы, что в будущем повлияет и на характер регионального сотрудничества двух стран.

Ксенофобия

В январе-феврале 2020 года острие ксенофобии было направлено на китайцев, которые по всему миру воспринимались как виновники появления коронавируса и переносчики опасной заразы. Наиболее драматические эпизоды связаны со странами, где было много китайских туристов (например, Италия) или проживает много китайских мигрантов (Австралия, Канада, США). Дальний Восток России, несмотря на географическую близость, не входит в это число. Как уже говорилось выше, пик китайского туризма и сезонной трудовой миграции приходится на лето, тогда как зимой в дальневосточных городах традиционно находится лишь небольшое число китайцев, которые имеют здесь постоянно действующий бизнес (рестораны, магазины, парикмахерские). Многие из них, как и большинство студентов, перед Новым годом по лунному календарю уезжают в Китай. Так что, когда ожидание эпидемии стало реальностью, на Дальнем Востоке просто не было значимого количества китайцев, чтобы появились какие-либо ксенофобские настроения.

Зато в марте-апреле, когда стало понятно, что пандемия коронавируса более драматично протекает в Европе и США, чем в самом Китае, ситуация поменялась. Теперь уже китайцы стали проявлять ксенофобские настроения по отношению к иностранцам: отчасти в

качестве ответного жеста на дискриминацию предыдущих месяцев, отчасти из реальной боязни заболеть.

Эскалация ксенофобии произошла 1 апреля 2020 года после сообщений о том, что 47-летний гражданин Нигерии, заражённый коронавирусом, укусил медсестру в лицо в одной из больниц Гуанчжоу при попытке сбежать из карантина [15]. От ответных мер китайского общества, которым, по всей видимости, потворствовали городские власти, пострадали не только африканцы, но и иностранцы в целом, включая россиян [10]. Хотя, судя по заявлению американского консульства, острие ксенофобии было направлено всё же на иностранцев с чёрным цветом кожи [14]. Им отказывали в обслуживании в ресторанах, выселяли из арендованных квартир, принудительно отправляли на двухнедельный карантин в гостинице, которую нужно оплачивать за свой счёт.

Однако центром этих настроений стала южная провинция Гуандун. Данные об аналогичных эксцессах в Северо-Восточном Китае отсутствуют как в социальных сетях, так и в сообщениях Генерального консульства России в Харбине. Стремительное увеличение числа инфицированных в апреле 2020 года за счёт «ввоза» коронавируса из России, по оценкам автора, не привело к русофобским настроениям, так как все случаи были ввезены гражданами Китая. Хотя существуют и противоположные оценки – например, от британской газеты *Guardian*, которая в своём репортаже явно пыталась найти в той ситуации с коронавирусом, которая сложилась в приграничном Суйфэньхэ, признаки будущего расхождения России и Китая [18].

Согласно официальной статистике, по состоянию на 1 мая в провинции Хэйлунцзян по-прежнему нет ни одного россиянина, заболевшего коронавирусом. При этом необходимо понимать, что в городах Северо-Восточного Китая проживает очень мало россиян, а те, кто находился здесь на учёбе или работе (как правило, в качестве учителей английского языка или обслуживающего персонала ресторанов и клубов), в январе в основном вернулись в Россию. Таким образом, можно утверждать, что ксенофобия не стала значимым фактором, способным повлиять на российско-китайское сотрудничество.

Кризис интеграции и европоцентризма

Другая тенденция, которой мы обязаны пандемии, это «возвращение границ». По всему миру границы из достаточно абстрактных линий снова превратились в «стены», главная функция которых разделять суверенное государство и весь остальной мир. В течение января-марта все страны, охваченные вирусом (или хотя бы паническим его ожиданием), с готовностью закрывали границы: от склонных к самоизоляции Туркменистана и КНДР до стран Евросоюза. И пусть это делалось со ссылкой на особые обстоятельства, сам этот факт может перечеркнуть многие достижения интеграционных процессов, особенно в плане свободы трансграничного передвижения.

Пандемия коронавируса «поставила на паузу» и многие процессы, связанные с либерализацией визового режима. Приостановлено действие безвизовых режимов между Россией и Южной Кореей, между Россией и Китаем в части обмена тургруппами. Как представляется, будут заморожены переговоры о введении безвизового режима с КНР и Японией. Вероятно, не будет расширяться режим электронной визы

в Россию, действующий сейчас при посещении свободного порта Владивосток, Санкт-Петербурга и Калининградской области.

Выше уже было отмечено, что на динамику закрытия границ Россией определяющее влияние оказал «европоцентризм», характерный для российского общества. Действительно, с точки зрения изменений в сознании людей провозглашённый Москвой «поворот на Восток» проверку не прошёл: в кризисной ситуации Россия продолжала до последнего общаться с Европой, тогда как с Азией все контакты были перекрыты быстро и без особого сожаления. Однако, думается, что сравнение того, как коронавирус протекает в Европе и странах Восточной Азии (КНР, Тайвань, Южная Корея, Япония), приведёт к переоценке европоцентристской модели сознания, поскольку, как видит автору, в России распространено мнение, что Азия справляется с эпидемией лучше. А следовательно, второй запуск «поворота на Восток» должен получиться эффективнее. В том же, что он произойдёт, сомнений нет. На это указывает, во-первых, экономическая (Китай является главным покупателем российских ресурсов), во-вторых, геополитическая составляющая.

Внешнеполитический фон всё больше и больше заставляет Россию и Китай сближаться [13]. Агрессивная риторика, идущая из Вашингтона, критически осложнила отношения США и Китая и, соответственно, сделала ещё более оправданным в глазах Москвы и Пекина решение не тратить ресурсы на противостояние друг другу, а объединиться в стратегический, условно «анти-западный», «квази-альянс». В американо-китайском противостоянии, как кажется, точки невозврата уже пройдены, и пандемия коронавируса здесь, безусловно, не первопричина, а сопутствующий фактор. И эта «новая холодная война» (на этот раз между Вашингтоном и Пекином) вряд ли закончится быстро, что заставляет и отношения России и Китая оценивать как устойчивые.

Децентрализация

При этом сами Россия и Китай выйдут из кризиса, вызванного коронавирусом, немного другими. Одним из аспектов, наиболее важных для сотрудничества в приграничье, является ожидаемое изменение центр-периферийных отношений.

Обе страны с конца 1990-х годов последовательно осуществляют политику «рецентрализации», укрепляя вертикаль власти и монополизировав финансовые потоки в центральные бюджеты, откуда деньги идут в регионы в форме выравнивающих трансфертов и субсидий [4]. Несмотря на федеральный тип государственного устройства в России и унитарный – в Китае (согласно определению Чжэн Юннэя, «де-факто федерализм» [19]), на практике в трансграничном сотрудничестве более активны китайские региональные власти, которые имеют больше полномочий и мотивации по ведению международной деятельности, чем российские. В России почти вся международная повестка осуществляется «с оглядкой» на мнение Кремля, что делает местные власти пассивными и чрезмерно осторожными.

Однако в условиях стремительного распространения вируса стало очевидно, что жёсткая централизованная модель плохо подходит для борьбы и оперативного реагирования на угрозы. 2 апреля в обращении к нации Владимир Путин заявил, что регионам будут даны допол-

нительные полномочия [8], а 8 апреля на совещании с руководителями регионов пояснил, что «сейчас действовать по какому-то единому шаблону не только неэффективно, но подчас и вредно» [9]. Тем самым он не только косвенно снимал с себя ответственность за возможные перегибы и промахи властей на местах, но и призывал региональные власти к большей самостоятельности на подведомственных территориях.

В результате строгость предпринимаемых карантинных мер и объём финансовой поддержки местному бизнесу стали сильно различаться от региона к региону, что характеризует не только стиль управления регионального руководства, но и отражает реальную эпидемиологическую обстановку на местах. Наиболее жёсткие меры предпринимаются в Москве, тогда как в регионах жизнь в целом продолжается по-прежнему, и это иллюстрирует рациональный выбор местной власти компромисса между боязнью санкций от Центра за плохую эпидемиологическую обстановку и недовольством местного населения, которое строгий карантин по московскому образцу просто оставит без средств существования.

Другим аспектом, касающимся центр-периферийных отношений в России, стала переоценка отношения общества к столице. Безусловно, Москву как федеральный центр, в который уходит большая часть финансовых и человеческих ресурсов, в российской провинции всегда недолюбливали, однако распространение коронавируса впервые в новейшей истории России сделало Москву непривлекательной для жизни (небезопасно, дорого, строгие карантинные меры). Кроме того, вирус стал восприниматься как «угроза, идущая непосредственно из столицы». В ряде регионов появились (и даже стали реализовываться) такие меры, как закрытие транспортного сообщения с Москвой, что в прежние годы было просто немыслимо [12]. Возможно, регионы пошли бы и ещё дальше и попробовали закрыть межрегиональные границы, но эта мера, которая в Москве была воспринята как шагок в сторону сепаратизма, была блокирована Владимиром Путиным [9].

Более того, на фоне кризиса, вызванного самоизоляцией, жизнь и работа в Москве с её высокими ценами стали неподъёмной роскошью для части «новых москвичей», которые в изменившихся экономических условиях будут вынуждены вернуться в родные регионы. Однако не в деревни и малые города, а в крупные региональные центры (Екатеринбург, Новосибирск, Краснодар, Красноярск, Ростов-на-Дону, Владивосток), экономика которых, похоже, окажется в выигрыше от данных децентрализационных тенденций. Таким образом, в перспективе возможно преодоление ненормальной и даже опасной ситуации, когда 1/7 населения самой большой страны мира была сконцентрирована в одном городе – московской агломерации.

Новые тенденции в центр-региональных отношениях в Китае на данный момент выглядят не такими значимыми, однако практика борьбы с коронавирусом в очередной раз показала: в нынешней политической системе китайские региональные власти обладают достаточной свободой, чтобы трактовать волю Пекина по своему усмотрению. На фоне активной деятельности региональных лидеров Си Цзиньпин, как и Владимир Путин, «ушёл в тень» и переложил значительную часть ответственности за ошибки в борьбе с коронавирусом на региональных чиновников. При этом практика показала, что

местные власти, пусть даже путём чрезмерного «закручивания гаек», со своей задачей справились и без ручного управления из столицы. В перспективе это означает, что власти в регионах будут смелее и в других аспектах управления – например, в трансграничном сотрудничестве, которое и в Китае в последние годы испытало крен в сторону централизации.

Заключение

Таким образом, признавая высокую волатильность ситуации и возможно некоторую поспешность умозаключений, особенно касательно глобальных тенденций, всё же позволим себе обозначить основные моменты, которые, на наш взгляд, характеризуют положение в приграничных регионах России и Китая, а также перспективы российско-китайского приграничного сотрудничества, в свете пандемии коронавируса:

- указанные регионы пострадали от распространения коронавируса меньше, чем это можно было ожидать, исходя из факта географической близости стран. Это объясняется низкой интенсивностью контактов: как между центром Китая и окраинными провинциями, так и между российской и китайской периферией; а также тем, что российские власти своевременно ограничили перемещения людей между Россией и другими азиатскими странами (Китай, Южная Корея);

- сравнение ситуации с распространением коронавируса в Восточной Азии (КНР, Тайвань, Южная Корея, Япония) и Европе складывается не в пользу Европы, что, возможно, будет способствовать кризису «европоцентричности» в общественном сознании россиян. На фоне осложнения отношений Вашингтона и Пекина, а также отсутствия значимых конфликтов между россиянами и китайцами в период пандемии коронавируса это будет способствовать дальнейшему сближению России и Китая в рамках «поворота на Восток»;

- экономические последствия кризиса, связанного с коронавирусом, в том числе по причине сокращения экономических и гуманитарных (прежде всего, туристических) контактов России и Китая, будут гораздо более тяжёлыми для российского приграничья. При этом экономика региона ещё больше пострадает от рецессии российской экономики, вызванной падением цен на нефть и необходимостью перераспределения имеющихся ресурсов на поддержание социальной стабильности в более населённой европейской части страны. На Дальнем Востоке больше всего пострадает гостиничный, ресторанный и туристский бизнес во Владивостоке и Благовещенске. А для экономики региона в целом наиболее тяжёлой проблемой станет прекращение доступа на рынок китайской рабочей силы. Уже в ходе 2020–2021 года это, вероятно, приведёт к банкротству и уходу с рынка большого числа китайских компаний, работающих в сельском хозяйстве и строительстве;

- закрытие границы и приостановление гуманитарных и туристических трансграничных контактов затормозят поступательное развитие ряда интеграционных процессов: в частности, будет отброшен назад переговорный процесс по либерализации визового режима; сократятся российская община в Китае и китайская община в России, причём новые социальные реалии (рост ксенофобии, ужесточение

административного режима) ставят под вопрос перспективы их быстрого восстановления.

Литература

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. – М.: Ленард, 2018. 304 с.
2. Габуев А. Т., Умаров Т. А. Экстренное сближение. Как пандемия ускорит сближение России и Китая // Московский центр Карнеги. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegie.ru/commentary/81633> (дата обращения: 01.05.20).
3. Зуенко И. Ю. Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы // Известия Восточного института, 2015. № 2. С. 51–59.
4. Зуенко И. Ю. Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2017. № 5. С. 30–46.
5. Зуенко И. Ю., Иванов С. А., Савченко А. Е. Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения, 2019. № 11. С. 105–113.
6. Китайцы контролируют 80% сельхозугодий ЕАО – Александр Левинталь [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Информационное агентство ЕАОmedia». URL <https://eaomedia.ru/news/445017/> (дата обращения: 01.05.20).
7. Ковалевская Ю. Н. «Ржавый пояс» Дальнего Востока России: специфика деиндустриализации в 1990–2010 гг. // Россия и АТР, 2020. № 1. С. 58–71.
8. Обращение к гражданам России, 02.04.2020 [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL <http://kremlin.ru/events/president/news/63133> (дата обращения: 01.05.20).
9. Обращение к гражданам России, 08.04.2020 [Электронный ресурс] // Сайт Президента России URL <http://kremlin.ru/events/president/news/63176> (дата обращения: 01.05.20).
10. Портякова Н. В. Любить никто не обещал: как в Китае изменилось отношение к иностранцам [Электронный ресурс] // Сетевое издание IZ.RU. URL <https://iz.ru/999055/nataliia-portiakova/liubit-nikto-ne-obeshchal-kak-v-knr-izmenilos-otnoshenie-k-inostrantcam> (дата обращения: 01.05.20).
11. Приморье откажется от иностранной рабочей силы в лесной и сельхозотрасли в 2020 году [Электронный ресурс] // ИА TACC (сайт). URL: <https://tass.ru/obschestvo/6544311> (дата обращения: 01.05.20).
12. Телиженко Н., Братцева О. Из аэропорта Кургана прекращаются все пассажирские рейсы [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Знак» (сайт). URL https://www.znak.com/2020-04-08/yuteyr_prekratila_vse_polety_iz_aeroporta_kurgana_segodnya_letyat_posledniy_reys_v_moskvu (дата обращения: 01.05.20).
13. Gabuev A. The Pandemic Could Tighten China's Grip on Eurasia [Электронный ресурс] // Foreign Policy (сайт). URL <https://valdaiclub.com/a/highlights/order-at-the-gates-globalisation-techphobia/> (дата обращения: 01.05.20).
14. Health Alert: U. S. Consulate General Guangzhou, People's Republic of China [Электронный ресурс] // Сайт посольства КНР в США. URL <https://china.usembassy-china.org.cn/health-alert-u-s-consulate-general-guangzhou-peoples-republic-of-china/> (дата обращения: 01.05.20).
15. Jiang E. Coronavirus Patient 'Savagely Bites a Nurse's Face When She Tried to Stop him Running Away from Quarantine' [Электронный ресурс] // The Daily Mail (сайт). URL <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8184403/Coronavirus-patient-savagely-bites-nurses-face-bid-run-away-quarantine.html> (дата обращения: 01.05.20).
16. Saran S. Order at the Gates: Globalisation, Techphobia and The World Order [Электронный ресурс] // Valdai Discussion Club (сайт). <https://valdaiclub.com/a/highlights/order-at-the-gates-globalisation-techphobia/> (дата обращения: 01.05.20).

17. Wu Jin, Cai Weiyi, Watkins D., Glanz J. How the Virus Got Out [Электронный ресурс] // The New York Times (сайт). URL <https://www.nytimes.com/interactive/2020/03/22/world/coronavirus-spread.html> (дата обращения: 01.05.20).
18. Yang T. Unease at the Border: Russia and China Seek to Downplay COVID-19 Outbreak in Suifenhe [Электронный ресурс] // The Guardian (сайт). URL <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/18/unease-at-the-border-russia-and-china-seek-to-downplay-COVID-19-outbreak-in-suifenhe> (дата обращения: 01.05.20).
19. Zheng Yongnian. De Facto Federalism in China: Reforms and Dynamics of Central-Local Relations. – Singapore: World Scientific Publishing House, 2007. 460 p.
20. Zhou Jiayi. Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East [Электронный ресурс] // Land grabbing, conflict and agrarian-environmental transformations: perspectives from East and Southeast Asia. Conference Papers. URL https://www.eur.nl/sites/corporate/files/CMCP_34-_Zhou.pdf (дата обращения: 01.05.20).

Ivan Yu. ZUENKO

Junior Research Fellow, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
E-mail: ivanzuwei@gmail.com

Coronavirus Pandemic and Russo-Chinese Regional Cooperation

UDC 327+339.9

doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-2/15-28](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2020-2/15-28)

*China,
North-Eastern China,
Russian Far East,
coronavirus,
integration,
xenophobia*

The article is dedicated to the analysis of the effects of coronavirus (COVID-19) pandemic on the processes in the Russo-Chinese borderlands (border regions of Russian Far East and China's north-eastern provinces) as of May, 1, 2020. The author believes that it is possible to draw some interim conclusions about the situation, despite its high dynamics and unpredictability. According to these conclusions, the pandemic's negative effects on the social situation and development at the Russo-Chinese border appeared to be less than one could expect – that fact undermines little interdependence between border regions and low intensity of cross-border contacts. Expectations by some Western experts, who believed that tensions between people across the border due to the pandemic spreading would break Russo-Chinese quasi-alliance, seem to be missed as well. Quite the opposite, worsening of contradictions between Washington and Beijing makes Russia and China get closer and closer. Meanwhile, sealing off the border puts a break on development of certain integration processes: liberalization of visa-regime, development of expats communities in both Russia and China.

For citation: Zuenko I. Yu. Coronavirus Pandemic and Russo-Chinese Regional Cooperation // Oriental Institute Journal. 2020. № 2. P. 15–28. doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-2/15-28](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2020-2/15-28)

References

1. Vallerstajn I. Mirosystemnyj analiz. Vvedenie. – M.: Lenard, 2018. 304 s.
2. Gabuev A. T., Umarov T. A. EHkstretnoe sblizhenie. Kak pandemiya uskorit sblizhenie Rossii i Kitaya // Moskovskij tsentr Karnegi. [EHlektronnyj resurs] URL: <https://carnegie.ru/commentary/81633> (data obrashheniya: 01.05.20).
3. Zuenko I. YU. Kitajskoe prisutstvie v sel'skom khozyajstve Dal'nego Vostoka: nekotorye aspekty problemy // Izvestiya Vostochnogo instituta, 2015. № 2. S. 51–59.
4. Zuenko I. YU. Ukreplenie «vertikali vlasti» po-kitajski: kadrovaya politika v otnoshenii regional'nogo rukovodstva v sovremennom Kitae // Kontury global'nykh transformatsij: politika, ehkonomika, pravo, 2017. № 5. S. 30–46.
5. Zuenko I. YU., Ivanov S. A., Savchenko A. E. Kitajskie investitsii na rossijskom Dal'nem Vostoke // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2019. № 11. S. 105–113.
6. Kitajtsy kontroliruyut 80% sel'khozugodij EAO – Aleksandr Levintal' [EHlektronnyj resurs] // Setevoe izdanie «Informatsionnoe agentstvo EAOMedia». URL <https://eaomedia.ru/news/445017/> (data obrashheniya: 01.05.20).
7. Kovalevskaya YU. N. «Rzhavyj poyas» Dal'nego Vostoka Rossii: spetsifika deindustrializatsii v 1990–2010 gg. // Rossiya i ATR, 2020. № 1. S. 58–71.
8. Obrashhenie k grazhdanam Rossii, 02.04.2020 [EHlektronnyj resurs] // Sajt Prezidenta Rossii. URL <http://kremlin.ru/events/president/news/63133> (data obrashheniya: 01.05.20).
9. Obrashhenie k grazhdanam Rossii, 08.04.2020 [EHlektronnyj resurs] // Sajt Prezidenta Rossii URL <http://kremlin.ru/events/president/news/63176> (data obrashheniya: 01.05.20).
10. Portyakova N. V. Lyubit' nikto ne obeshhal: kak v Kitae izmenilos' otnoshenie k inostrantsam [EHlektronnyj resurs] // Setevoe izdanie IZ.RU. URL <https://iz.ru/999055/nataliia-portiakova/liubit-nikto-ne-obeshchal-kak-v-krn-izmenilos-otnoshenie-k-inostrantcam> (data obrashheniya: 01.05.20).
11. Primor'e otkazhetsya ot inostrannoj rabochej sily v lesnoj i sel'khozotrasli v 2020 godu [EHlektronnyj resurs] // IA TASS (sajt). URL: <https://tass.ru/obschestvo/6544311> (data obrashheniya: 01.05.20).
12. Telizhenko N., Brattseva O. Iz aehroporta Kurgana prekrashhayutsya vse passazhirskie rejsy [EHlektronnyj resurs] // Informatsionnoe agentstvo «Znak» (sajt). URL <https://www.znak.com/2020-04-08/yuteyr-prekratila-vse-polety-iz-aeroporta-kurgana-segodnya-letyat-posledniy-reys-v-moskvu> (data obrashheniya: 01.05.20).
13. Gabuev A. The Pandemic Could Tighten China's Grip on Eurasia [EHlektronnyj resurs] // Foreign Policy (sajt). URL <https://valdaiclub.com/a/highlights/order-at-the-gates-globalisation-techphobia/> (data obrashheniya: 01.05.20).
14. Health Alert: U. S. Consulate General Guangzhou, People's Republic of China [EHlektronnyj resurs] // Sajt posol'stva KNR v SSHA. URL <https://china.usembassy-china.org.cn/health-alert-u-s-consulate-general-guangzhou-peoples-republic-of-china/> (data obrashheniya: 01.05.20).
15. Jiang E. Coronavirus Patient 'Savagely Bites a Nurse's Face When She Tried to Stop him Running Away from Quarantine' [EHlektronnyj resurs] // The Daily Mail (sajt). URL <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8184403/Coronavirus-patient-savagely-bites-nurses-face-bid-run-away-quarantine.html> (data obrashheniya: 01.05.20).
16. Saran S. Order at the Gates: Globalisation, Techphobia and The World Order [EHlektronnyj resurs] // Valdai Discussion Club (sajt). <https://valdaiclub.com/a/highlights/order-at-the-gates-globalisation-techphobia/> (data obrashheniya: 01.05.20).
17. Wu Jin, Cai Weiye, Watkins D., Glanz J. How the Virus Got Out [EHlektronnyj resurs] // The New York Times (sajt). URL <https://www.nytimes.com/interactive/2020/03/22/world/coronavirus-spread.html> (data obrashheniya: 01.05.20).
18. Yang T. Unease at the Border: Russia and China Seek to Downplay COVID-19

Outbreak in Suifenhe [EHlektronnyj resurs] // The Guardian (sajt). URL <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/18/unease-at-the-border-russia-and-china-seek-to-downplay-COVID-19-outbreak-in-suifenhe> (data obrashheniya: 01.05.20).

19. Zheng Yongnian. De Facto Federalism in China: Reforms and Dynamics of Central-Local Relations. – Singapore: World Scientific

Publishing House, 2007. 460 p.

20. Zhou Jiayi. Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East [EHlektronnyj resurs] // Land grabbing, conflict and agrarian-environmental transformations: perspectives from East and Southeast Asia. Conference Papers. URL https://www.eur.nl/sites/corporate/files/CMCP_34-_Zhou.pdf (data obrashheniya: 01.05.20).